

ЛИТВИНЕНКО АЛЕКСАНДР
ЕГО НАЗЫВАЮТ
ПРОБУДИТЕЛЬ

DESTINATION: NO... WH...RE
LOST

ВОКЗАЛ ПЕТЛЯ

Александр Литвиненко

**Его называют
ПРОБУДИТЕЛЬ. Вокзал петли.**

«Автор»

2026

Литвиненко А. И.

Его называют ПРОБУДИТЕЛЬ. Вокзал петли. /
А. И. Литвиненко — «Автор», 2026

Глеб — Пробудитель. Он не лечит тела. Он спускается в чужие сны и вытаскивает людей из комы — из миров, которые сознание строит, чтобы спрятаться от невыносимой правды. Драконы, вокзалы из детства, письма, которые страшно открывать, — обычный день на работе. Но в это утро происходит нечто новое. Шестнадцатилетний Максим уже три недели заперт в петле сна — и ещё до того, как Глеб коснулся его сознания, мальчик произносит его имя. «Он уже там», — шепчет он и теряет сознание. Кто-то — или что-то — ждёт Глеба внутри чужого кошмара. И оно знает, кто он.

© Литвиненко А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Сила сна	7
Реальность	12
Напутствие от Коваленко	15
Пациент #13	17
Максим. Знакомство	18
Вокзал	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Литвиненко

Его называют ПРОБУДИТЕЛЬ. Вокзал петли.

Начало

Утро какое-то неуверенное — будто и само сомневалось, стоит ли ему вообще наступать.

Золотистые лучи лениво скользили по лобовому стеклу старой «Мазды RX8», тщетно пытаясь пробиться сквозь слой пыли, который, казалось, уже обрёл собственную биографию. Свет ложился на руки Глеба неровными полосами, будто пытался напомнить ему, как выглядят вещи, на которые стоит обращать внимание.

Глеб, впрочем, этого напоминания не оценил.

Усталость сидела в нём глубоко, как квартирант без договора. Не та, что бывает после бессонной ночи, а другая — вязкая, как осадок чужих снов, налипший на сознание.

Каждый новый пациент оставлял в нём нечто — обрывки кошмаров, туманные эмоции, иногда даже крошечные копии собственных страхов.

Это всё оседало внутри и постепенно становилось его вторым телом.

Машина гудела спокойно и обречённо, словно старый зверь, которому давно пора на покой, но он всё ещё честно тащит своего человека куда нужно.

Серая дорога петляла между полей, сверкая росой. Где-то там, за стеклом, мир пах свежестью и прохладой, но просачиваться в салон отказывался.

Здесь царствовали запах старого пластика, бензина и окончательно перегоревших нервов.

Глеб щурился на дорогу, пытаясь удержать ускользающий фокус. Мир слегка покачивался перед глазами, словно за рамками реальности кто-то аккуратно тряс декорации.

Радио бормотало что-то про Институт сна — очередной научный прорыв, первый зафиксированный случай взаимного сновидения...

Глеб хмыкнул. Научный прорыв они там нашли. Для них — «теоретическая возможность».

Для него — будни.

Суровые, мокрые, холодные, иногда смертельно опасные будни.

Тихий «пилик» вывел его из размышлений. Смартфон на панели ожил.

Пациент #1: Стабильность 9% — вход возможен

Девять процентов.

Самое неприятное состояние — когда сознание пациента висит на краю пропасти, но по формальным параметрам он ещё «проходной».

Что ж... обычный день.

Или вторник?

Или, может, среда?

Глеб вздохнул. Дни давно смешались в плотную кашу, где невозможно отличить вчерашний сон от сегодняшней реальности.

Он снова поднял взгляд на дорогу — и мир дрогнул.

Лёгкий, почти незаметный, но совершенно неправильный толчок пространства, как будто реальность на секунду забылась и споткнулась.

Глеб моргнул.

Дорога под ним качнулась ещё раз.

Что-то было не так.

Он не успел ничего подумать — только крепче сжал руль и втянул воздух.

А следующее мгновение разорвало утро пополам.

Сила сна

Мир перед капотом «Rx8» сжался в точку.
Не звук, не вспышка — просто мягкое, почти вежливое стирание реальности.
Там, где секунду назад была потрескавшаяся дорога, возникла идеальная чёрная дыра — будто кто-то аккуратно вырезал фрагмент утра и забыл вернуть.
Глеб даже не вздрогнул.
Руки сами дёрнули руль влево, машина занизила обороты, мир мигнул — и рассыпался.
Звук визга шин превратился в шелест ветра.
Тяжесть руля — в лёгкую вибрацию рукоятки.
Мазда исчезла, уступив место старенькому велосипеду, который, по ощущениям, помнил перестройку.
Тропа под ним была вымощена бледно-пастельными плитками.
Солнце — слишком яркое, слишком настоящее для сна.
Звук — слегка приглушённый, словно мир смотрелся через ватное стекло.
Глеб моргнул, принимая происходящее с обречённым спокойствием.
— Ну здравствуйте, будни, — пробормотал он.
Велосипед под ним дрогнул, вытянулся, словно вспоминая другую форму, и через мгновение Глеб уже стоял... на электросамокате.
Ровном, устойчивом, слишком новом для этой странной детской вселенной.
А в руке возник меч.
Настоящий. Тяжёлый. Холодный. И слегка раздражающий — как будильник в выходной.
— По расписанию, — выдохнул Глеб.
Он посмотрел на запястье — привычка, въевшаяся настолько, что даже подсознание не могло её отменить.
7:48.
— Опять, — сказал он вслух. — Значит, точно вторник.
Небо над ним дрогнуло.
Тонкая трещина пастельного мира разошлась, и из неё выползло огромное изумрудно-стеклянное тело.
Чешуя переливалась всеми оттенками зелени, как битое стекло под солнцем.
Дракон.
Старый знакомый.
Или, по правде говоря, старая головная боль.
Чёрный дым валил из ноздрей, сгущаясь прямо в воздухе, оставляя запах серы и чуть-чуть — детской истерики.
Глеб скривил губы:
— Я надеялся на отпуск. Или хотя бы на монстра без пиротехники.
Меч в руке запульсировал теплом. Глеб едва подумал — и клинок сам сорвался, вспарывая воздух огненной кометой. Голова дракона кувыркнулась, тело развалилось в россыпи светящейся пыли. Красиво, быстро, чисто. Как поставленная задача.
Образной пыли ещё не успело рассеяться, как перед его глазами начала подниматься из земли угольно-чёрная башня. Тонкая, неправильная, похожая на отголосок чужого кошмара. На вершине — сияющая фигура девочки-принцессы. Слишком идеальная, слишком гладкая, будто слепленная из света и страха одновременно.
Глеб напрягся.
Что-то было не так.
Свет в её глазах был... не живым.

Холодным.

Ровным.

Он завис в воздухе на полпути, и тревога пронзила сознание:

— Не она. Не цель.

Башня дрогнула.

Мир пошёл рябью — и исчез.

Белизна полоснула по зрению — и внутри Глеб понял:

это был только первый слой.

СЛОЙ ВТОРОЙ — Глубокий сон. Настоящий.

Глеб открыл глаза уже в другом месте.

Детская комната.

Но искажённая — как если б память ребёнка пыталась восстановить детали, которые не укладывались в реальность.

Кровать слишком маленькая.

Окно слишком высокое.

Игрушечный медведь — человеческого роста.

А на полу — следы когтей, уходящие к шкафу.

— Ага, — Глеб вздохнул. — Похоже, это будет долгая смена.

Из шкафа донёсся тихий шорох.

И едва слышный всхлип.

Глеб подошёл осторожно.

Приоткрыл дверцу.

Внутри, свернувшись в комочек, сидела девочка лет восьми.

В белой ночной рубашке, с большими испуганными глазами, которые казались темнее сна.

— Привет, — мягко сказал Глеб. — Я Глеб. Я пришёл помочь.

Девочка всхлипнула:

— Дракон... он меня ищет.

Глеб улыбнулся — по-доброму, тепло:

— Ну, это же хорошо. Если ищет — значит, не нашёл.

Это странным образом успокоило её.

— Он... он съест меня, — прошептала девочка.

— Не съест, — ответил Глеб, присев рядом. — У нас договор: сегодня он ест только взрослых, которые плохо спят. Так что ты вне списка.

Девочка удивлённо моргнула.

Юмор подействовал.

Глеб вздохнул:

— Покажи, где он появляется.

Она подняла руку — дрожащую, маленькую — и указала на окно.

Окно вспыхнуло зелёным.

ПОПЫТКА ПЕРВАЯ — СИЛА

Дракон ворвался внутрь, прорезая пространство как бумагу.

Глеб снова поднял меч — и снова одним движением отправил чудовище в пыль.

Девочка смотрела шокированно.

— Вот, — сказал Глеб. — Готово. Миссия выполнена, монстр утилизирован. Теперь —

Комната дрогнула.

Потолок потёк вниз, как от сырости.

Тени вытянулись.

И девочка... не исчезла.

Не растворилась.
Не проснулась.
Она просто сидела — испуганная.
Та же поза.
Тот же страх.
Глеб помрачнел:
— Понятно. Было бы слишком просто.
Мир оборвался.

ПОПЫТКА ВТОРАЯ — БЕГСТВО

Теперь они стояли на мосту, уходящем в облака.
За спиной — ревущая пастельная буря.
Впереди — бесконечный свет.
Глеб поднял девочку на руки:
— Держись крепко. Летим.
Он оттолкнулся — и мир послушно поддался.
Они летели, почти скользя.
Девочка впервые за весь сон улыбнулась.
И тут мир позади застонал.
Глеб оглянулся.
Дракон вынырнул из облаков, огромный, как горная гряда.
И уже не играл правилами сна.
Он рвал пространство так, как будто имел на это законное право.
Глеб пробормотал:
— Ну конечно. Какой же это сон с бегством, если за тобой не гонится полутонна семейных проблем?
Девочка вцепилась в него:
— Он приближается!
— Я заметил, — сказал Глеб. — Но спасибо за предупреждение. Люблю оперативных напарников.

Они почти добрались до края моста...
Когда дракон настиг их.
Всё погасло.

ПОПЫТКА ТРЕТЬЯ — ЗАЩИТА

Глеб стоял в круге света.
Девочка — за его спиной.
Вокруг — туман, из которого медленно проступала огромная голова дракона.
Глеб опустил меч.
— Слушай, — сказал он чудовищу усталым голосом. — Ты нарушаешь технику безопасности. Давай договоримся?
Дракон зарычал.
— Ну и ладно, — вздохнул Глеб. — Значит, опять в пыль.
Но дракон не нападал.
Он ждал.
Девочка всё так же дрожала за его спиной.
И Глеб вдруг понял.
Это — тупик.
Петля.
Мир, который повторяет себя, пока ты не увидишь главное.
Он обернулся к девочке:

— Кого ты на самом деле боишься?

Слова убили тишину.

Девочка всхлипнула:

— Папу...

Глеб замер.

— Он... он всегда кричит. И держит меня дома. И не даёт ходить гулять. И если я плачу... он становится как дракон.

ПОПЫТКА ЧЕТВЁРТАЯ — ИСТИНА

Мир тихо дрогнул.

Туман растворился.

И вместо дракона перед ними стоял силуэт мужчины — тёмный, смутный, великан по ощущениям, но не по форме.

Глеб сжал меч... и медленно убрал его в сторону.

— Ты не монстр, — сказал он тихо. — Ты просто отец, который боится потерять.

Силуэт дрогнул.

Глеб продолжил — мягко, спокойно:

— Но, знаешь... страх — плохой помощник в воспитании. Дочка пугается не тебя. Она пугается громкости твоего сердца.

Силуэт опустил голову.

Девочка стояла рядом — хрупкая, маленькая — и впервые за этот сон сделала шаг вперёд.

— Папа...

— Я не хочу бояться.

Силуэт протянул руку.

Не огромную лапу, не когти — обычную человеческую ладонь.

Глеб улыбнулся:

— Вот. Так-то лучше. Драконы должны быть только в сказках.

Девочка подошла, коснулась руки — и мир начал светлеть.

Туман рассыпался.

Небо вспыхнуло мягким белым светом.

Комната стала нормальной.

Настоящей.

Девочка смотрела на Глеба:

— Ты поговоришь с ним? Когда я проснусь?

Глеб кивнул:

— В любой реальности.

Она улыбнулась — теплом, человеческим, настоящим — и растворилась во свете.

СЛОЙ ТРЕТИЙ — ПРОБУЖДЕНИЕ

Белый свет погас.

Глеб открыл глаза в медицинской капсуле.

Воздух был холодным.

Капельница тянула в жилу ледяную тишину.

Датчики мерцали.

И он впервые за долгое время чувствовал... лёгкость.

Девочка проснулась.

Он это знал — без приборов.

Тихий звук двери.

На пороге стояла Анастасия — бледная, уставшая, но с мягкой улыбкой.

— Получилось? — спросила она.

Глеб сел, поморщившись:

— Да. Хотя воспитательные беседы с драконами — это не то, чему меня учили в институте.

Анастасия поджала губы, скрывая улыбку:

— Похоже, ты нашёл новый подход.

Он потрогал виски:

— Если он начнёт кричать в реальности — я превращусь в уголь. Но попробую.

Анастасия подошла ближе:

— Девочка открыла глаза. Она ищет тебя.

Глеб улыбнулся — мягко, устало, но искренне.

И подумал, совсем тихо:

«Дракон, наверное, тоже проснётся... но это уже не моя часть сна.»

Реальность

Сначала вернулся звук.

Негромкое равномерное шипение фильтров — тот самый стерильный ритм капсулы, который мозг упорно принимал за шум дождя.

Потом — запах.

Холодный воздух процедурной пахнул чем-то успокаивающим, будто мир пытался убедить Глеба, что он снова в безопасности.

Глеб открыл глаза — медленно, как будто опасался, что за веками снова окажется небо пастельного цвета.

Но над ним висели аккуратные, белоснежные акустические панели.

Ровные линии.

Знакомая геометрия.

Мир без драконов, башен и отцовских теней.

— Ну здравствуй, реальность, — пробормотал он хрипло. — Надеюсь, ты сегодня без спецэффектов.

Голос звучал слабее, чем он ожидал.

Погружение выматывало куда сильнее, чем физическая работа: каждая эмоция пациента будто проходила через него, оставляя в теле лёгкие трещины.

Глеб сел. Пластиковая поверхность капсулы чуть скрипнула.

Он провёл рукой по лицу — кожа была холодной и липкой, как после долгого сна, хотя прошло всего несколько минут.

На запястье мигнул браслет диагностики:

Пульс: 112.

Ничего удивительного — побег от драконов редко действовал успокаивающе.

Он качнул головой. Мир на секунду сместился, как будто тени вокруг не до конца решили, в каком направлении падать.

— Отлично, — выдохнул он. — Даже стены колеблются. Это уже гораздо лучше, чем прошлый вторник.

Тихий звук раздвижной двери мягко вошёл в комнату.

Глеб поднял взгляд.

На пороге стояла Анастасия Коваленко.

Белый халат сидел на ней безупречно, как всегда, но под глазами залегли тени.

Она выглядела так, будто тоже провела ночь в чьём-то подсознании, только без права на отдых.

— Ты вернулся, — сказала она тихим голосом, который звучал одновременно строго и тепло.

— В тайне надеялся на красную дорожку, — Глеб поднял руку, показывая, что в порядке.

— Но и ты подойдёшь.

Анастасия вздохнула, но глаза на секунду улыбнулись.

Она подошла ближе и протянула ему стакан воды.

Глеб взял — и в ту же секунду понял, как пересохло горло.

Первый глоток был почти мучительным, второй — божественным, третий — возвращал его в тело.

— Как она? — спросил он, опуская стакан.

— Открыла глаза, — ответила Анастасия. — Тихо спросила, будешь ли ты рядом, когда она проснётся окончательно.

Глеб кивнул.

На мгновение в груди что-то болезненно сжалось — редкое ощущение, похожее на лёгкий удар током прямо в сердце.

— Я буду.

Анастасия присела на край капсулы.

— Ты справился очень быстро. Это... удивительно.

Глеб хмыкнул:

— Что, шесть часов — это быстро?

Она моргнула.

— Глеб. Ты был внутри сорок минут.

Он замер.

— Сорок?

— Да. «Либо ты усиленно сжимаешь реальности, — сказала Анастасия, — либо твой мозг начинает работать на другом уровне глубины». Третьем или даже четвёртом.

Глеб поднял взгляд. Ему не понравилось, как прозвучали её слова.

— Ты хочешь сказать... что я ухожу глубже, чем должен?

Анастасия не ответила сразу.

Она провела рукой по гладкой поверхности капсулы — жест нервный, непривычный для неё.

— Я хочу сказать... что мы не знаем, какой ценой даются тебе такие результаты.

Между ними повисла тишина.

Глеб чувствовал, как воздух становится плотнее — будто реальность слушает их разговор.

Он попытался улыбнуться:

— Не переживай. Если я когда-нибудь исчезну в чужом сне — я оставлю записку.

— Глеб, — её голос стал жёстче. — Это не смешно.

Он вздохнул:

— Извини. Это просто... способ не свалиться с катушек.

Анастасия не смягчилась:

— И всё же. Сегодня ты сделал больше, чем мы ожидали. И, возможно, больше, чем стоило бы.

Глеб посмотрел на свои руки — словно пытаюсь понять, изменилось ли в них что-то.

— Я... всё ещё здесь, — сказал он тихо. — Не волнуйся.

Анастасия кивнула, но Глеб видел — она всё равно волнуется.

Слишком умная, чтобы не думать о последствиях.

Слишком человечная, чтобы не бояться за него.

Она поднялась.

— Ладно. Тебе нужно отдохнуть. Хотя бы пару часов.

Он усмехнулся:

— А потом?

Анастасия задержала взгляд на нём:

— Потом — подросток.

Глеб приподнял брови:

— Прекрасно. То есть сначала драконы, теперь гормоны. Институт определённо скучать мне не даст.

Она повернулась к двери, но перед уходом добавила:

— Его петля очень... нестабильная. Даже для наших случаев.

Глеб почувствовал лёгкое, холодное, почти приятное напряжение вдоль позвоночника — знакомое предчувствие нового сна.

— Что значит «нестабильная»?

Анастасия задержала руку на панели двери.
— Глеб...
Она обернулась.
— Он уже начал видеть тебя. До погружения.
Глеб замер.
Анастасия вышла.
Дверь закрылась тихим шипением.

Напутствие от Коваленко

Анастасия вернулась через двадцать минут — аккуратных, как выверенная дозировка лекарства.

Глеб за это время успел прийти в себя, натянуть футболку, допить воду и немного посидеть, слушая своё дыхание — всё ещё слишком частое, но уже не рваное.

Дверь открылась почти бесшумно.

Анастасия вошла так, будто боялась потревожить воздух.

— Ты уже на ногах, — сказала она, бросив быстрый взгляд на его браслет.

— И даже не падаешь. Прогресс.

— Я вообще сегодня демонстрирую чудеса устойчивости, — фыркнул Глеб. — Думаю ввести это в резюме: «умею не падать после драконов».

Она вздохнула так, что в этом вздохе было и «ты неисправим», и «я всё равно рада, что ты жив».

— Садись, — указала она на кресло у стенки. — Поговорим.

Глеб послушно устроился.

В кресле был встроенный датчик, который моментально отреагировал, послав по внутренней стороне его руки короткую волну тепла. Калибровка.

Обычно такая процедура раздражала Глеба, но сейчас он даже почувствовал слабую благодарность — приятно, когда хоть что-то в мире отвечает, если к нему прикоснуться.

Анастасия присела напротив, переплела пальцы — строго, собранно.

Её взгляд был врачебным, но под поверхностью скрывалось что-то личное, тихо беспокойное.

— Итак, — начала она. — Ты убил дракона с первого раза.

— Да, — кивнул Глеб. — Приятно иногда соответствовать легендам обо мне.

Она проигнорировала шутку.

— И вышел из сна. Но девочка не проснулась.

Глеб вздохнул, вспоминая.

— Это... было неправильно. Как будто я ударил по симптомам, а не по причине.

— Именно, — сказала Анастасия. — Символы в детских снах никогда не прямолинейны.

Дети редко создают монстров ради монстров.

— Потому что настоящие чудовища у них... — он замолчал, не договорив фразу.

Анастасия продолжила за него:

— ...часто имеют человеческое лицо.

Глеб кивнул.

Он вспоминал, как девочка шагала к тени отца...

Как мир таял вокруг неё, уступая место свету...

Как что-то правильное — просто правильное — происходило.

Это было не про борьбу.

И не про победу.

А про честность.

Анастасия выдохнула и наконец позволила себе немного расслабиться. Она придвинула к нему планшет и развернула экран.

— Посмотри.

На экране — мониторинг состояния девочки.

Нейронная активность выравнивалась, как море после шторма.

Сеть сновидения медленно гасла.

— Ты сделал невероятную работу, — сказала Анастасия. — Я бы даже сказала... опасную.

Глеб прищурился:

— Опасную?

— Ты вошёл слишком глубоко.

Она провела пальцем по графику.

— Это не уровень обычного терапевтического погружения. Ты прошёл через три перехода. Это — зона, где подсознание пациента и твоё собственное могут соприкоснуться.

Глеб поморщился:

— Такое впечатление, что ты находишь всё новые способы меня пугать.

— Я не пугаю.

Она подняла глаза.

— Я предупреждаю.

Повисла пауза.

Такая густая, что если бы прислушаться — можно было бы услышать, как в соседних палатах бьются чужие сердца.

— Анастасия, — сказал он мягко. — Я справился. И со следующим справлюсь.

— Ты говоришь это так, будто оно само собой разумеется.

Она подалась вперёд.

— Но ты — не машина. И не программа. И не бог сна.

Ты человек, Глеб.

Обычный.

С телом, которое может устать.

С разумом, который может треснуть.

Он усмехнулся:

— Приятно, конечно, слышать, что я «обычный», когда только что разговаривал с драконом-отцом на высоте третьего уровня сознания.

Её губы дрогнули.

— Не смей превращать это в шутку.

Глеб поднял руки, сдаваясь:

— Ладно. Всё серьёзно. Я услышал.

Анастасия смотрела на него долго, изучающе.

Словно пыталась понять: слушает ли он на самом деле.

Потом сказала:

— У нас новый пациент.

Глеб закатил глаза.

— Конечно. Едва я вернулся, мир уже не может без меня.

Она перевела планшет на другую вкладку.

Пациент #13

Мальчик, 16 лет. Состояние: петельный сон (нестабильный).

Стабильность сознания: 22%

Фоновая активность: аномальная.

Глеб прочитал молча.

22% — уже плохо.

Но слово «аномальная» всегда вызывало неприятное покалывание под рёбрами.

Анастасия добавила:

— Он видел тебя. До погружения.

Глеб поднял глаза:

— Что значит... видел?

Анастасия выдохнула:

— Он произнёс твоё имя, когда терял сознание.

И сказал:

«Он уже там.»

Воздух стал холодным.

Глеб почувствовал неприятный холодок в пальцах.

Сон подростка, который знает о нём заранее?..

Это не просто нестабильность.

Это — приглашение.

Или ловушка.

Анастасия наклонилась ближе:

— Глеб... будь осторожен. Такой тип связи возникает не случайно.

Глеб медленно ответил:

— Я справлюсь.

Она смотрела на него долго, словно пытаясь понять, про кого он это сказал — про пациента или про себя.

И лишь потом тихо сказала:

— Мне почему-то кажется, что это погружение... будет не похоже ни на одно предыдущее.

Дверь за ней закрылась мягким щелчком.

Глеб остался один.

И впервые за долгое время почувствовал дрожь не от усталости, не от последствий погружения, а от предчувствия.

Имя подростка он ещё не знал.

Но подросток — знал его.

А это всегда означало только одно:

Сон уже начал искать Глеба.

Максим. Знакомство

Срыв контура

Анастасия не сразу подошла к капсуле — сначала проверила данные на мониторе, и только потом, будто набрав воздух, сделала шаг.

Матовое стекло излучало мягкий голубоватый свет, похожий на свечение айсберга под водой — красивое, но холодное, предупреждающее.

Внутри лежал худой подросток, замерший в безмолвном, неправильном покое.

— Это Максим, — тихо сказала она, понизив голос так, будто боялась разбудить не пациента, а что-то, что могло услышать. — Третья неделя комы.

Глеб шагнул ближе и увидел странность сразу.

Лицо Максима было спокойным, но не пустым.

Оно было... внимательным. Как будто он слушал что-то где-то глубоко внутри сна.

Монитор над капсулой дёрнулся — и врезал пик активности, словно кто-то ударил по системе изнутри. Линия дрогнула и снова спряталась в хаос.

— Он опять рванул? — спросил Глеб.

— Да, — подтвердила Анастасия. — Каждый раз, когда мы пытаемся его поднять медикаментозно... петля рушится.

Он сбрасывает её и... меняет детали.

Комната, время, людей вокруг.

— То есть мозг не застрял. Он переписывает петлю? — уточнил Глеб.

— Да. Многовариантность вместо повторения. Он не хочет выходить... или ищет версию, где выход его устраивает.

Глеб хмыкнул.

— Талантливый парень. Обычно петля сама ест мозг, а тут мозг ест петлю.

Анастасия не улыбнулась. Значит, всё серьёзно.

Она взяла чёрный браслет-интерфейс — пластинка, похожая на тонкое кольцо, но с нервной пульсацией внутри.

Глеб взял его — металл был холоднее обычного, будто находился не в комнате, а в чём-то куда более... теневом.

— Есть кое-что ещё, — сказала Анастасия внезапно.

Она потянулась к планшету, открыла файл.

— Когда его привезли, он был наполовину в сознании. И несколько раз повторил твоё имя.

Глеб замер.

— Моё?..

— Он сказал: «Глеб уже там». И ещё: «Он был на платформе... раньше».

— Прекрасно, — пробормотал Глеб. — Начинаю карьеру призрака до официального собеседования.

— Он описывал фигуру во снах ещё до комы, — продолжила Анастасия. — Мужчину, стоящего на платформе, который не вмешивается... просто наблюдает.

Глеб почувствовал неприятный укол под рёбрами.

Это было похоже на... эхо.

Утечку чужих погружений.

Или — влияние Тени.

Он поднял взгляд — тень от кресла вдруг дрогнула, как от сквозняка. Хотя воздуха в комнате не было.

Показалось...

Но кожа на шее холодела.

Тень вытянулась вдоль пола — и исчезла.

Глеб моргнул дважды.

— Что-то не так? — спросила Анастасия.

— Да нет... — он медленно выдохнул. — Наверное, просто... усталость.

Он не собирался говорить ей, что увидел что-то, похожее на Нее. Этого просто не могло быть.

Тень исчезла.

Он положил браслет на запястье. Замок щёлкнул.

В этот момент капсула Максима содрогнулась — как будто кто-то изнутри ударил по стенке. Монитор взвыл и затем выдал тихий, искажённый звук, похожий на голос:

— ...он... уже... здесь...

Глеб застыл.

— Ты слышала? — шепнул он.

Анастасия кивнула. Медленно.

Глеб сжал кулак, пытаясь прогнать странное ощущение, которое поднималось вверх по позвоночнику.

— Окей, Максим, — выдохнул он. — Если ты меня ждёшь, то я не люблю опаздывать.

Анастасия коснулась браслета у него на руке.

— Глеб... будь максимально осторожен.

Это не обычная петля. Он не просто заперт — он ждёт выбора.

Глеб лёг в соседнюю капсулу.

Крышка опустилась. Темнота мягко сомкнулась вокруг. Гул погружения разросся, будто кто-то заводил огромный подземный мотор.

Перед тем как сознание нырнуло вниз, Глеб подумал:

Если он видел меня заранее...

Если сон зовёт меня по имени...

Значит, внутри уже есть кто-то ещё.

И там, на границе погружения, край тьмы дрогнул.

И Глебу показалось, что на секунду, буквально на полмига, в темноте мелькнуло знакомое силуэтное движение.

Плечо. Поворот головы. Длинная расплывчатая тень. И шёпот, почти ровный его собственному дыханию:

— Ты вернулся слишком рано.

Темнота проглотила звук. Глеб нырнул в сон.

Вокзал

Платформа, которой не должно быть
Погружение не было плавным.
Обычно сознание медленно растворяется, уплывает, но сейчас — словно кто-то толкнул Глеба в спину.
БУМ.
Он оказался стоящим посреди рельсов.
Реальных, металлических, холодных.
И сразу — визг.
Поезд летел на него на такой скорости, что воздух сжался в тупой удар ещё до столкновения.
Глеб инстинктивно бросился в сторону.
Колени обожгло балластом, земля скользнула под руками, и поезд пронёсся мимо — слишком близко, обжигая ветром, оставляя за собой дрожащие стены реальности.
Он перекатился на платформу и выдохнул:
— Отлично. Приветствие уровня мы тебя ждали.
Поезд врезался в тупик, дёрнувшись, заскрежетал тормозами — и замер.
Двери открылись с усталым, надорванным скрипом.
Только не люди из вагона высыпали — манекены.
Лица без эмоций, движения механические.
Шаг — пауза — шаг — пауза. Как шахматные фигуры, которых кто-то переставляет слишком аккуратно.
Глеб поморщился.
— Очень успокаивает, Максим. Молодец.
Громкоговоритель над головой заскрежетал, словно кто-то прочищал горло гвоздями:
— Поезд номер... номер... номер... четыреста пятьдесят три... задерживается...
Голос заикнулся, пошёл вспять, потом повторился в петле, как сломанная пластинка.
Платформа была странно знакомой.
Но не физически — знакомой чувством.
Как будто он уже стоял здесь.
Как будто здесь когда-то уже был...
То ли утечка сна, то ли что-то играло с памятью — уже не понять.
Пассажиры с чемоданами прошли мимо, их шаги были одновременно слишком громкими и слишком тихими, как будто звук не мог решить, существовать или нет.
Глеб пошёл вдоль платформы.
Мир дрожал, будто держался на чужой воле.
Стены вокзала то раздвигались, как грудь при вдохе, то сжимались, как сердце при боли — и Глеб понял:
Максим создаёт вокзал каждый раз заново.
Рисует мир по памяти... но память у него дырявая.
Он присмотрелся к чертежу реальности:
- указатели — криво написанные, буквы пляшут;
- свет — как акварель, растекается;
- пол — время от времени исчезает под ногами и возвращается.
И вот — он.
Максим.
На скамейке. Чемодан у ног. Письмо в руках.

Плечи опущены, взгляд прикован к табло.

И это табло — мёртвое.

Но едва Глеб подошёл ближе — цифры дрогнули, смазались и сложились в слово: ГЛЕБ.

Он остановился.

— Замечательно, — прошептал он. — Сон уже пишет мне сообщения.

Он подошёл ближе к Максиму, стараясь не нарушить хрупкую, почти болезненную тишину вокруг мальчика.

— Всё ещё ждёшь? — мягко спросил он.

Максим вздрогнул так, словно его окликнули из-под воды. Но взгляд оставался... настороженным.

И — узнающим.

— Это снова вы, — сказал он тихо.

Глеб наклонил голову.

— Мы знакомы?

Максим медленно, будто боясь сделать лишнее движение, покрутил головой.

— Вы стояли там, — он указал на далёкую платформу, где стены то появлялись, то исчезали. — В других днях. Я думал... вы часть этого места.

Наблюдаете, молчите. Решаете, можно ли мне выйти.

Глеб нахмурился:

Чёрт. Значит, он действительно видел меня раньше.

— Плохие новости, Максим, — сказал он, садясь рядом. — Наблюдать я вообще не умею. Обычно я врываюсь, всё ломаю и спрашиваю, где выход.

На долю секунды уголок губ мальчика дрогнул. Почти улыбка. Почти.

Но в ту же секунду воздух на платформе стал плотнее — как перед грозой.

Глеб почувствовал, как что-то тянется к нему из угла зрения.

Тень.

На колонне — плечо, движение, силуэт.

И исчез.

Показалось.

Или не показалось?

В любом случае — нехорошо.

Максим снова уставился в табло.

— Если я открою письмо... всё закончится. Он не придёт. Никогда.

Табло вспыхнуло красным.

НЕЛЬЗЯ ОТКРЫВАТЬ.

Громкоговоритель треснул — и голос стал чужим, низким, почти металлическим:

— НЕ СМОТРИ.

Глеб поднялся.

— Похоже, твой сон считает себя твоим адвокатом. А меня — нарушителем спокойствия.

Платформа дрогнула.

Краски на стене потекли вниз, как расплавленный пластик.

Максим крепче сжал конверт.

Глеб тихо сказал:

— Вопрос один. Готов?

Парень не ответил. Его дыхание стало резким.

— Тогда вопрос два, — Глеб вытянул руку. — Куда ты бежал, когда пытался открыть в прошлый раз?

Максим прошептал:

— Платформа тринадцать.

Платформа задрожала.

Громкоговоритель завыл.

НННННН.

Табло вспыхнуло и превратилось в чёрную кляксу.

В ту же секунду воздух разорвался.

Из трещины пространства хлынул густой чёрный туман — маслянистый, живой, как живая болезнь.

Он полз по платформе, стирая манекены, размывая стены, превращая вокзал в лабиринт из тьмы.

Глеб схватил Максима за запястье:

— Бежим. Сейчас же.

Мальчик вскочил.

И они сорвались с места — по дрожащему полу,

мимо исчезающих рельсов, навстречу платформе тринадцать.

А позади них из тумана впервые раздался голос.

Глухой, злой, слишком похожий на человеческий:

— Он НЕ должен прийти.

И Глеб понял:

Это не просто туман. Это чья-то воля.

И она знает его имя.

Кто эта тень — и почему сон Максима с самого начала звал именно Глеба?

Продолжение — в части 2. Его называют Пробудитель. Город тишины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.